

Видя, что Сы Вэй в замешательстве, Цзиньли тихонько рассмеялась:

— В двадцать первый год эры Цзиншэн провиант, предназначенный для отправки в Северные земли, подменили. Почти треть зерна разбавили песком да шелухой. Его Величество пришёл в ярость, повелел провести строжайшее расследование... Семьи виновных разорили, имущество пустили с молотка. Жён и дочерей опальных чиновников, хоть и пощадили, избежав казни, но почти всех сослали в Приказ придворной музыки. В тот год мне едва исполнилось два года.

Она сделала паузу, устремив взгляд в пустоту.

— В Приказе тогда яблоку негде было упасть, и начальство смотрело на всё сквозь пальцы. Несчастных узниц потихоньку сплавляли на сторону: стоило девице согласиться уйти с покровителем, как её вычёркивали из музыкального реестра и переводили... в статус подлого люда. Но так у нас хотя бы оставалась надежда, что когда-нибудь нас выкупят.

На самом деле то, что Цзиньли назвала «статусом подлого люда», было лишь приукрашенным выражением. В это время даже у продажных женщин в присутственных местах имелся свой особый реестр домохозяйств, пусть и не столь суровый, как музыкальный реестр Приказа придворной музыки, откуда вырваться было почти невозможно. Стоило освободиться от клейма Приказа, а дальше всё решали связи в управе.

Часть денег, которые здешние затворницы Башни Весенней реки собирали на выкуп, неизменно уходила на взятки чиновникам уездной управы — ради заветной записи в реестре домохозяйств.

— Я росла в Приказе придворной музыки до тринадцати лет, — тихо, точно издалека, заговорила Цзиньли, — а потом через верных людей сумела выбраться и после долгих скитаний оказалась здесь, в уезде Цзю... Вот только суженого мне в этой жизни, видать, встретить не суждено. О каком выкупе речь? Да, я смыслю в музыке и стихах, умею играть на цине и раскладывать камни на доске для го, но ведь не умею ни пахать, ни у плиты стоять, ни ткать, ни вышивать... Выйди я за порог — как выжить одинокой сироте?

Она горько, с усмешкой покачала головкой:

— Говорят, перед человеком открыты все дороги. Но моя тропа с каждым днём становится лишь уже.

Сы Вэй промолчал. Лишь спустя долгое время он произнёс — не столько пытаясь утешить, сколько рассуждая вслух:

— Суженого сыскать непросто, это правда. Но если госпожа желает лишь найти того, кто выкупит её из этого заведения, то задача вполне выполнима.

— Неужели? — Цзиньли лукаво прищурилась, глядя на него, и едва заметно улыбнулась. — И как же это понимать?

Сы Вэй повернулся и откинулся на спинку кушетки:

— У мужчин плотское желание и любовь часто живут отдельно. А в нашем мире, пожалуй, они разделены почти всегда. Это лишь женщины вечно ищут слияния душ и тел, мечтают о любви до гроба, о неразлучных днях и ночах... Твердят: «Коль завоюю сердце милого, до седых волос не расстанусь»...

В суровых тисках здешнего бытия женское преклонение перед силой невольно переносилось на мужчин, превращаясь в извечное соперничество за благосклонность покровителя. Вечная драма: три тысячи красавиц в гареме, но каждая мечтает, чтобы вся любовь досталась лишь ей одной.

Зато мужчины, пользуясь своим положением, упивались жаждой власти и силы. Как поётся в старых стихах: «Очнувшись, править миром, захмелев — склонить главу на колени красавицы».

В иные времена назвать женщину просто «доброй женой и заботливой матерью» сочли бы за оскорбление её достоинства. Ведь почему мужчина считает себя вправе требовать этого? Если его спутница строит карьеру, готов ли он сам уступить ей дорогу, взять на себя заботу о доме и детях?

Но здесь царили древние законы. В этот век участь женщины была неразрывно связана с мужчиной. Лишь редким бунтаркам удавалось проложить собственный путь.

Сы Вэй, размышляя об этом с тяжёлым сердцем — и втайне радуясь тому, кем он был на самом деле, — внезапно почувствовал, как кто-то пребольно ткнул его в затылок. Он невольно мотнул головой вперёд.

Обернувшись, он наткнулся на изумлённый взгляд Цзиньли:

— Ты? Девчонка восьми-девяти лет от роду поучает меня, увядшую в пыли девицу, рассуждениями о мужчинах и чувствах? Да ещё сыплешь речами вроде «одна любовь на всю жизнь» и «завоевать сердце милого, чтобы до седых волос не расставаться»?

Сы Вэй смутился, но быстро нашёлся:

— Так я ведь... я ведь просто делюсь мыслями, пытаюсь помочь!

Тут же приняв серьёзный вид, он негромко кашлянул:

— У меня есть для вас одна история. Слыхали ли вы притчу о тех, кто в небесах мечтает стать четой неразлучных птиц, а на земле — переплетёнными ветвями? Хотите послушать, госпожа Цзиньли?

Цзиньли замерла, тихо повторив про себя:

— В небесах — четой неразлучных птиц, на земле — переплетёнными ветвями?..

Сы Вэй скользнул взглядом к лестничному пролёту, где уже давно и смирно стояла Цинлу с подносом. Улыбнувшись, он добавил:

— Если госпоже любопытно, для начала не худо бы позавтракать. А уж после я поведаю вам эту древнюю повесть, запечатлённую в веках. Согласны? Ручаюсь, эта история куда краше и занимательнее тех дешёвых романов, что пылятся у вас внизу на книжных полках.

Цзиньли промолчала, пристально вглядываясь в его лицо, а затем снова шутливо, но ощутимо ткнула его пальцем в лоб.

Не успела хозяйка ответить, как застывшая у входа Цинлу опомнилась. Она с готовностью шагнула вперёд, сияя от радости:

— Госпожа, погодите мгновение, я мигом накрою на стол!

Воинские подвиги — удел и романтика мужчин, тогда как любовь — сокровенная мечта женщины. В суровом древнем мире эти грёзы оставались для затворниц единственным утешением, заменявшим сладкий опиум. Не зря веками плакали над растаявшим снегом у Сломанного моста и оплакивали трагическую судьбу влюблённых Лян и Чжу.

Покончив с завтраком, Сы Вэй притащил мягкий соломенный пуфик и уселся поудобнее. В комнате, согретой жаром жаровни, поплыл его неторопливый рассказ о Танском императоре Мин-хуане и его Драгоценной наложнице Ян.

Начал он с тех пор, когда юная дева из рода Ян только расцвела своей красотой и была отдана в жёны принцу Шоу. Затем поведал о том, как она приняла монашеский постриг, дабы очиститься от прежних уз, вернулась во дворец и заняла место у самого сердца государя под именем наложницы Тайчжэнь.

Цзиньли иронично усмехнулась, но тут же печально вздохнула:

— Женщине легко лишить мужчину рассудка, заставив его совершать безумства... Труднее очистить собственное имя от грязи. Будь этот правитель мудр и велик, её постриг сочли бы за благочестие. Но окажись он бездарным владыкой, и её тотчас нарекли бы коварной лисицей Су Дацзи, сгубившей государство.

Сы Вэй промолчал, не зная, что возразить на столь точное суждение.

Танский император Мин-хуан, вошедший в историю как Тан Сюань-цзун, поначалу и впрямь прослыл великим государем. Он правил твёрдой рукой, окружал себя достойными мужами и возвёл династию Тан на вершину процветания — в золотой век эры Кайюань. Увы, на склоне лет разум покинул его, а вспыхнувший мятеж Ань Лушаня и Ши Сымина навсегда сократил величие империи.

Заметив его задумчивость, Цзиньли мягко откинулась на кушетку:

— Ладно тебе, не буду мешать. Рассказывай дальше.

Сы Вэй тоже тихо вздохнул, отгоняя лишние думы, и продолжил повесть о прекрасной Тайчжэнь.

Он рассказал о белоснежном попугае по кличке Сюзи-нян, которого обожали влюблённые, — когда птицу задрал хищный ястреб, безутешные супруги велели похоронить её в дворцовом саду, насыпав над ней настоящий курган.

Поведал о том, как капризная наложница разгневала императора и была с позором выслана в отчий дом. Но стоило ей покинуть дворец, как государь лишился аппетита и сна. Тогда верный евнух Гао Лиши, желая проверить его чувства, распорядился отправить к её порогу роскошные шатры да вина, а сам император послал ей блюда со своего стола. В ту же ночь по совету евнуха красавицу тайно вернули во дворец — её карета промчалась сквозь закрытые ворота, презрев строжайший ночной запрет.

— Увидев повелителя, Драгоценная наложница Ян пала ниц, замаливая вину, а император, позабыв былые обиды, нежно обнял её. Любовь их вспыхнула с новой силой, и впредь никто не смел перечить любимице государя.

Сы Вэй перевёл дух и продолжил:

— Драгоценная наложница Ян души не чаяла в спелых личи. Но росли они лишь в далёком южном краю Линьнань, за пять тысяч ли от столицы Чанъань. Плод этот капризен: сорванный с ветки, он уже через день теряет цвет, через два — аромат, а на третий день и вовсе портится. И тогда по указу императора проложили широкие тракты, выкапывали целые деревья вместе с корнями в кадках, дабы доставить лакомство свежим. На заставах гонцы сменяли уставших коней, мчались во весь опор, бережно укрывая плоды льдом. Позже поэты напишут об этом: «Взметнулась пыль багряная от мчащихся коней, наложница смеётся — никто не знает, что везут личи для неё».

Цзиньли молча слушала, прикрыв веки. Она затрепетала ресницами от набежавших слёз. Наконец она вздохнула, сморгнув влагу:

— Верно, советники засыпали императора гневными докладами... Но для самой Драгоценной наложницы Ян — разве не было величайшим счастьем то, что грозный владыка подносил ей дары не как грозный владыка, а как любящий муж? Каждая женщина всю жизнь ищет лишь одного: обрести родную душу и не расставаться до седых волос. Была ли её любовь добровольной с самого начала или нет, но после такого отношения государя её сердце не могло не растаять. Но многим ли суждено дожидаться такого чуда? Да и какая женщина может похвастаться тем, что встретила мужчину, готового беречь её пуще жизни? Верно, даже сама Тайчжэнь не верила в своё счастье...

Сы Вэй сидел у её ног. И хотя в обеих своих жизнях он рождался мужчиной, сейчас он, кажется, впервые до конца понял хрупкую, ранимую женскую душу. Но сказка подошла к концу, и пришло время для суровой правды. Раз уж он начал этот рассказ, прерывать его на полуслове было нельзя.

Сы Вэй вздохнул и негромко произнёс:

— Существовало ли это единое сердце на самом деле — неведомо. Но им двоим не суждено было встретить старость вместе.

На склоне лет Танского императора Мин-хуана военачальники Ань Лушань и Ши Сымин подняли мятеж, развязав кровопролитную войну, которая полыхала долгие восемь лет.

Причин у той катастрофы было великое множество, и Сы Вэй не стал утомлять собеседницу рассказами о несправедливом переделе земель, упадке хозяйства или о коварном министре Ли Линьфу, которого за глаза звали «сладкоголосым убийцей с мёдом на устах и кинжалом за пазухой». Не стал говорить и о брате наложницы Ян — алчном Ян Гочжуне, равно как и о зазнавшихся наместниках на окраинах империи, давно переставших подчиняться столице. Всё это было слишком сложно и чуждо для здешней обитательницы.

Он лишь вскользь упомянул, что искрой, из которой разгорелось пламя великого мятежа, стало соперничество за власть между Ян Гочжуном и Ань Лушанем.

Мятежники двинулись на Чанъань под предлогом спасения государя от коварных царедворцев. Год спустя император вместе с любимой Драгоценной наложницей Ян и её братом спешно бежал на юг, в земли Шу. На почтовой станции Мавэй утомлённая и злая гвардия подняла бунт. Солдаты безжалостно изрубили Ян Гочжуна мечами, а затем потребовали смерти самой Драгоценной наложницы Ян.

Сы Вэй заговорил тише, подбирая слова:

— Император пытался защитить её. Он говорил, что брат её заслужил казнь за предательство, но сама Драгоценная наложница Ян чиста и невинна, ведь она лишь жила в покое внутренних палат... Но гвардейцы стояли на своём. Они кричали, что красавица Ян — коварная соблазнительница, погубившая страну, и без её крови невозможно успокоить войско и вернуть победный дух. И тогда император, спасая собственную шкуру, послал ей шёлковый шнур. Её

лишили жизни во дворе тихой молельни, удавив на ветке старой дикой груши.

Сы Вэй умолк на мгновение, а затем тихо прочитал наизусть:

— И потому поэт воспел её гибель горькими строками: «Пред конским строем дева испустила дух, камень драгоценные зарыты в прах, заколки золотые... Повелитель лик закрыл руками — спасти её не мог...»

Цзиньли застыла на кушетке. Она выглядела бледной и глубоко печальной, и в комнате воцарилась долгая, мёртвая тишина.

<http://bllate.org/book/18280/1758890>